

КРИС БЕКЕТТ

100

ВО ТЬМЕ
ЭДЕМА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(4Вел)-445
Б42

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Chris Beckett
DARK EDEN

Печатается с разрешения издательства Atlantic Books Ltd.
при содействии литературного агентства
The Van Lear Agency LLC.

Перевод с английского *Юлии Полещук*
Оформление обложки *Сергея Иванова*

Серия «Сотня» основана в 2014 году

Бекетт, Крис.

Б42 Во тьме Эдема : [фантастический роман] / Крис Бекетт ; [пер. с англ. Ю.В. Полещук]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 384 с. — (Сотня).

ISBN 978-5-17-087177-3

В этом причудливом мире каждое живое существо имеет три пары конечностей и два сердца, деревья дышат и согревают атмосферу, цветы и камни светятся, хотя в небесах нет ни солнца, ни луны, а рай тропического леса окружает со всех сторон кольцо нетающих снегов. И здесь живут люди, называющие себя просто «Семья». Все они — потомки двух землян, Адама и Евы поневоле, более ста пятидесяти лет назад назвавших эту чужую, сумрачную планету Эдемом. Они верят, что наступит день, когда Земля вспомнит о своих детях. И тогда с неба спустятся летающие лодки, чтобы перевезти всех — и живых, и мертвых — под ласковый теплый свет ослепительно-яркой желтой звезды.

Но в любом обществе, даже самом консервативном и стабильном, обязательно найдутся непоседы и бунтари, идущие против системы и не признающие авторитетов прошлого. Таков юный Джон Красносвет, в стремлении к общему благу готовый на святотатство, грозящее разрушить Семью. Отказываясь от прежних путей, он намерен пройти сквозь холод и мрак Эдема, чтобы найти в нем свое место... и узнать всю правду о своем мире.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(4Вел)-445

Copyright © Chris Beckett, 2012
© Ю.В. Полещук, перевод
на русский язык, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2016

ISBN 978-5-17-087177-3

Джон Красносвет

Тук-тук-тук. Старый Роджер колотил палкой по бревну нашей группы, чтобы мы проснулись и вылезли из шалашей.

— Вставайте, новошерстки ленивые! Пошевеливайтесь, или бездну затянет раньше, чем мы успеем добраться до места, и вся дичь уйдет обратно во Мрак!

«Пф-ф-ф, пф-ф-ф, пф-ф-ф», — пыхтели деревья вокруг, без остановки качая из-под земли горячую смолу. «Хм-м-м-м», — гудел лес. Со стороны Пекэмвей доносился стук топоров: Мышекрылы проснулись часа на два раньше нас и уже всю рублили дерево.

— Ну вот, — пробормотал мой двоюродный брат Джерри, деливший со мной шалаш. — Я только заснул!

Его младший брат Джефф приподнялся на локте. Он ничего не сказал, но с интересом следил большими глазами, как мы с Джерри откинули спальные шкуры, повязали пояса, взяли накидки и копья.

— Вылезайте, лентяи! — Дэвид задыхался от раздражения. — Вылезайте быстро-пребыстро, пока я вас за шкуру не вытащил!

Мы с Джерри выползли из шалаша. Небо было как черное стекло. Прямо над нами маячил Звездоворот, яркий, точно белый огонек перед глазами, а воздух был прохладным-прохладным, как всегда в безоблачную погоду, когда видны звезды. Большинство взрослых из

охотничьего отряда уже собрались, вооруженные копьями, луками и стрелами: Дэвид, Мет, Старый Роджер, Люси Лу... На поляне горько пахло гарью; в свете костров и деревьев клубился дым. Вожак нашей группы, Белла, вместе с мамой Джерри, моей доброй уродливой тетушкой Сью, жарили на завтрак летучих мышей. Тетя и Белла на охоту не шли, но встали пораньше, чтобы собрать нас в дорогу.

— Ешьте, дети, — проговорила Сью, протягивая нам с Джерри по половинке летучей мыши: одно крыло, одна нога, одна крошечная сморщенная ручка.

Фу! Мышь! Мы с Джерри, кривясь, жевали жесткое мясо. Оно было горьким-прегорьким, несмотря на то что Сью подсластила его обжаренной пеньковицей. Но оттого-то и собрался охотничий отряд. Мы получили на завтрак летучую мышь, потому что в лесу вокруг обиталища Семьи нашей группе не удалось поймать дичи получше, и теперь мы попытаем счастья в другом месте, далеко отсюда, в отрогах Пекэм-хиллс, куда время от времени спускаются шерстяки из Снежного Мрака.

— Мы не станем их караулить на Холодной тропе, — заявил Роджер. — Мы обогнем гору по Обезьяньей тропе и выйдем на Холодную у верхней границы леса.

Хлоп! Дэвид огрел меня по заднице концом своего длинного тяжелого копья и захохотал.

— Подъем, малыш Джонни!

Я взглянул в его лицо, похожее на морду летучей мыши, — одно из самых уродливых в Семье (на месте носа у Дэвида тянулась огромная рваная дыра, точно второй рот), — но не нашел, что ответить. Шутки у Дэвида были дурацкие: ударить ни с того ни с сего и рассмеяться, как будто это всего лишь игра. Но тут на нашу поляну по утоптанной тропинке, которая вела к Большому озеру и связывала две наши группы, вышли новошерстки Иглодревов с копьями и луками.

— Привет, Красные Огни! — закричали они. — Вы что, еще не готовы?

Белла договорилась с их вожакom Лиз, что кто-то из их новошерстков отправится с нами и получит долю добычи. Группа Иглодревов в Семье была ближе всех к нам, Красным Огням, мы ложились спать и вставали в одно и то же время, а значит, нам было проще что-то делать вместе с ними, чем, скажем, с Лондонцами, которые ужинали ровно тогда, когда мы просыпались.

Я заметил среди пришедших Тину: Тина Иглодрев, обрезавшая волосы устричной раковиной, чтобы они торчали, как иголки.

— Ну что, все готовы? — крикнула Белла. — Все взяли копыа? У всех есть теплые накидки? Вот и хорошо. Тогда в путь. Принесите нам мяса, а мы уж тут пока сами обо всем позаботимся.

* * *

Мы шагали по тропинке, которая вела через рощу мерцающих звездочетов к Мышекрылам. На полянке целая орава Мышекрылов — и взрослые, и новошерстки — топорами из черного стекла рубили огромный древесвет в красном отсвете его цветов. Мы прошли краем их поляны к Семейной Изгороди, растащили ветви у калитки и вышли в редколесье. Теперь уж нам не попадутся навстречу ни шалаши, ни лагерные костры: ничего, кроме светящихся деревьев.

«Пф-ф-ф, пф-ф-ф, пф-ф-ф», — пыхтели деревья.
«Хм-м-м-м», — гудел лес.

Чтобы окончательно проснуться, мы старались держаться в свете древесных огней, а заодно сбивали птиц, летучих мышей и фрукты, которые попадались нам по пути. Наконец мы сделали привал у огромного валуна под названием Ком Лавы. Старый Роджер раздал каждому из нас по печеню из молотых зерен звездочетов, чтобы мы хоть немного заморили червячка. Поев, мы уселись, привалившись спиной к валуну, чтобы не бояться, что сзади к нам могут неожиданно подкрасться леопарды. Вокруг росло множество желтых дерево-

светов (там, где обитает Семья, таких почти нет) и сновали желтые звери под названием «прыгуны»: они появлялись из леса, прыгая на задних ногах, замирали на месте, сцепив все четыре передние лапы и глядели на нас огромными глазами-блюдцами, издавая свое вечное «пип-пип-пип». Но в пищу эти звери не годились, да и шкуры у них были дрянные, поэтому мы швыряли в прыгунов камнями, чтобы те убрались прочь и дали нам спокойно поспать.

Когда мы проснулись, было по-прежнему ясно, а в небе все так же ярко-преярко сиял Звездоворот. Мы снова тронулись в путь. Мы шагали под красными и белыми древосветами (обычно их называют просто — красносвет, белосвет, желтосвет и так далее) и игло-древами; вокруг порхали сверкающие маховоны, на которых охотились летучие мыши; деревья, как обычно, пыхтели — «пф-ф-ф, пф-ф-ф», — и все звуки сливались в мерный гул — «хмммммммммммммммм», — не смолкавший в ушах ни на минуту.

Спустя несколько миль мы подошли к пруду, полному светящихся волнистых водорослей. Новошерстки дружно скинули накидки и нырнули в теплую воду за краборыбами и устрицами. Все парни глазели на Тину Иглодрев и думали о том, до чего же она хороша: гладкая кожа, длинные ноги — так и хочется с нею переспать. Но Тина, вынырнув, подплыла прямо ко мне и протянула умирающую устрицу, которая все еще испускала яркий розовый свет.

— Знаешь, что говорят об устрицах? — спросила Тина.

Клянусь шеей Тома, она была хорошенькая-прехорошенькая, самая красивая из всей Семьи. И ей это было отлично-преотлично известно.

Еще через пару часов мы дошли до того места, где над лесом Долины Круга возвышаются горы Пекэмхиллс, и стали карабкаться по Обезьянней тропе, которая на самом деле никакая не тропа, а просто известный нам проход среди деревьев, покрывавших склоны гор.

Здесь росли красносветы и белосветы, обжигающе-горячие иглодревы, под которыми мерцали звездоцветы, как и повсюду в лесу. Между деревьями вились ручьи, текущие из мрака и льдов наверху к Большому озеру, — холодные-прехолодные, но уже яркие, светящиеся и живые. С дерева на дерево перепрыгивали зверьки под названием «обезьяны» — мелкие, тощие, с шестью длинными руками, каждая из которых оканчивалась ладонью. Красавчик Лис сбил одну из них стрелой и был рад-радехонек, хотя там и есть-то нечего — жилы да кости, а мяса на один укус: обезьяны шустрые и в них трудно попасть из-за больших пятен на шкуре, которые то загораются, то гаснут, когда эти твари качаются на ветках древосветов.

Чем выше мы забирались, тем больше холодало. Звездоцветы пропали, деревья стали меньше, уже не видно было обезьян; только шерстяки мелькали там и сям среди стволов. Наконец деревья закончились; мы пересекли верхнюю границу леса и очутились на голой земле. Еще через некоторое время, когда позади остались даже кустарники, нашему глазу открылась вся растянувшаяся внизу Долина Круга, весь Эдем, который мы знали, залитый светом тысячи тысяч огней — от Пекэм-хиллс до Темной тени далеких Синих гор, от Скалистых гор, протянувшихся по левую руку от нас, с тлеющим вулканом Маунт-Снеллинс посредине, до густой черноты справа, где спрятались Альпы. И надо всем этим по-прежнему сияла огромная воронка Звездоворота.

Разумеется, наверху не росло деревьев, чьи светочеты освещали бы нам путь, а стволы прогревали воздух, так что тут было темным-темно: трудно было хоть что-то разглядеть в мерцании звезд и далеком отблеске леса. А еще здесь было холодно-прехолодно. Особенно мерзли ноги. Но мы, новошерстки, подначивали друг друга добежать до самого снега. Лед обжигал, до того он был холодный, и большинство ребят, пройдя десять-двадцать шагов, с воплями неслись вниз. Но я заставил

Джерри дойти со мной до гребня холма, а потом, не обращая внимания на крики Старого Роджера, который звал нас обратно, спуститься с другой стороны, так чтобы остальные нас не видели.

— Мы всем доказали, какие мы крутые, — дрожа, проговорил Джерри. На нас были только набедренные повязки да накидки из шкур, а ноги горели так, словно с них содрали кожу. — Может, хватит уже, а, Джон? Вернемся?

Мой двоюродный брат Джерри был на беремя моложе меня, — это значит, его папаша переспал с его мамашей примерно тогда, когда я появился на свет, — и очень меня любил, восхищался мной и выполнял все мои просьбы.

— Постой. Подожди минутку. Молчи и слушай.

— Что слушать?

— Тишину, идиот.

Не было слышно ни гудения леса, ни пыхтения деревьев, качающих смолу, ни уханья звездных птиц вдалеке, ни хлопанья крыльев и стрекота махавонов, ни летучих мышей, со свистом рассекающих воздух. Вообще ни звука, кроме тихого журчания воды, пробивавшейся из-под снега сотнями маленьких ручейков. Вокруг было черным-черно. Никакого света деревьев. Только Звездоворот сиял над головой.

Мы с трудом могли разглядеть лица друг друга. И я задумался о планете под названием «Земля», откуда давным-давно, в самом начале, прилетели Томми и Анджела с Тремя Спутниками и куда в один прекрасный бдень мы все вернемся, если, конечно, будем ждать в правильном месте и вести себя хорошо-хорошо-хорошо. На Земле не найти ни древосветов, ни блестящих махавонов, ни сияющих цветов, но зато там есть большой-пребольшой источник света, которого у нас нет. Это гигантская звезда. Она такая яркая, что если на нее смотреть, она выжжет тебе глаза.

— Когда рассказывают о Земле, — сказал я Джерри, — постоянно вспоминают про ту огромную яркую

звезду и чудесный свет, который она испускает. Но ведь Земля постоянно крутится, разве не так? А значит, половину времени она повернута к той звезде обратной стороной и погружена во мрак. А ведь там же нет древесных светов и всякого такого — только свет, который сделали сами люди.

— Ты о чем? — процедил Джерри, стуча зубами от холода. — И почему бы нам не вернуться, раз тебе так хочется поговорить?

— Я думаю про ту темноту. Ее называют «ночь», помнишь? Мне кажется, ночь — это так, как сейчас. Как у нас здесь, в Снежном Мраке: земляне бы сказали, что сейчас ночь.

— Э-ге-гей, Джон! — окликнул нас Старый Роджер с другой стороны холма. — Джерри! Э-ге-гей!

Он боялся, что с нами что-нибудь случится — замерзнем насмерть или потеряемся.

— Лучше давай вернемся, — предложил Джерри.

— Ничего, пусть немного понервничает.

— Но я очень-очень замерз.

— Ну подожди минутку.

— Ладно, минутку подожду, — согласился Джерри, — но не больше.

И мой брат в самом деле принялся отсчитывать минуту у себя на пульсе, дурачок. Досчитав до шестидесяти, вскочил, и мы стали карабкаться обратно по гребню горы. Джерри сломя голову помчался к остальным, я же задержался на секунду, — отчасти для того, чтобы показать, что я сам себе хозяин и не побегу бегом ни к Роджеру, ни к кому бы то ни было, а отчасти для того, чтобы еще раз окинуть взглядом окрестности: сияющий лес, окруженный мраком, а над ним — яркие-преяркие звезды. «Там, внизу, наш дом, — размышлял я, — весь наш мир». Так странно было наблюдать его извне. Простирившийся внизу лес казался большим-пребольшим и в то же время маленьким-премаленьким: светящееся пространство, над которым мерцали звезды, а на горах, окружавших со всех сторон чащу, лежал мрак.

Джерри между тем в красках расписывал остальным, как сильно у него замерзли ступни, просил, чтобы их потрогали, растерли, а его посадили к себе на закорки и несли, пока он не согреется, — словом, прыгал и скакал вокруг нас, как идиот. В этом весь Джерри. «Я всего лишь дурачок, я никому не причиню вреда», — как бы говорил он людям. Но я не таков. «Я отнюдь не дурак, — демонстрировал я всем своим видом, — и не поручусь, что не причиню вам вреда». Я притворился, будто совершенно не чувствую холода, и вскоре мои ноги так онемели, что я и правда уже ничего не ощущал. Я заметил, что Тина с улыбкой смотрит на меня, и улыбнулся в ответ.

Мы стали спускаться — прочь от снегов, к верхней границе леса, куда пробивался свет от деревьев. Старый Роджер охал и причитал, что новошерстки нынче совсем распустились, никого не уважают, не то что в его время.

— Старый дурак боялся, что ему придется вернуться к Семье и признаться вашим мамам, что он вас потерял, — пояснила Тина. — Испугался, что ему тогда не поздоровится. И больше не с кем будет переспать.

— Можно подумать, с ним до этого хоть кто-то ложился, — усмехнулся темноглазый Лис. Мама как-то призналась, пожав плечами, что, возможно, Лис — мой отец. (Правда, потом она заявила, что с тем же успехом это мог быть Старый Роджер — видимо, раньше он не был таким уродом, — или красавчик-новошерсток из Лондонцев, с которым мама тоже как-то переспала. Мне, конечно, хотелось бы знать наверняка, но у нас многие не знают своих отцов.)

Мы подошли к Холодной тропе, сбегавшей вниз возле ручья, который нес талые воды из большой снежной глыбы. Эту тропу протоптали шерстяки, и мы выбрали на нее в надежде их встретить. Но шерстяков не было видно, зато мы нашли множество свежих следов, спускавшихся по снегу и грязи у ручья в лес. Шерстяки уже прошли. Бездна выманила их из мест обитания, отвлекла от привычных занятий.

— Я как-то видел на этом самом месте большущее-пребольшущее стадо шерстяков, — вспомнил Роджер. — Они спускались по тропе от снежной глыбы. Бремен десять-пятнадцать тому назад. Голов десять-двадцать плелись друг за другом из Снежного Мрака, и...

Я уже не слушал. Роджер рассказывал, а я вглядывался в темноту и думал о том, что никто ничего не знает о Снежном Мраке. Только то, что он расположен высоко-превысоко, там черным-черно и холодно-холодно-прехолодно, и что там образуются все ручьи и огромные снежные глыбы (Старейшины называют их «глей-черы»), и что он окружает весь наш мир.

Но тут я заметил огонек в небе: тусклое белое пятнышко, маячившее высоко во мраке.

— Смотрите! Вон там, наверху!

Обычно, когда видишь что-то странное, хватает секунды-другой, чтобы понять или хотя бы предположить, что же перед тобой. Но сейчас я никак не мог отгадать. Я представления не имел, что же это может быть. В небе ведь всего один источник света: Звездорот. А на земле — другой: свет живых существ, деревьев, растений, животных да костров, которые мы сами разводим. Единственный свет, который я видел кроме этих двух, — огонь вулканов вроде Маунт-Снеллинса, но он красный-красный, а вовсе не такой тускло-белый.

Глупость, конечно, но на мгновение я решил, что это Посадочный Апарат, одна из тех небесных лодок со светильниками, на котором Томми, Анджела и Три Спутника спустились в Эдем с космического корабля «Непокорный».

Нам же все время твердят, что когда-нибудь это случится. Три Спутника отправились обратно на Землю за подмогой. Мы, конечно, догадывались, что им что-то помешало, иначе земляне давно прилетели бы, но ведь у них была штуковина под названием Ради-Бо, которая передает крик по воздуху, и еще одна, которая называлась Компьютер: этот все запоминал. И в один прекрасный бдень земляне найдут «Непокорного» или услышат

это Ради-Бо, построят новый звездолет и прилетят за нами, — мимо Звездоворота, юркнут в Небесную Дыру и заберут нас обратно, к яркому свету огромной-преогромной звезды.

И на одно пугающе-блаженное мгновение я решил, что это наконец случилось.

Но тут раздался голос Роджера.

— Ага, — проговорил он. — Это они. Шерстяки, точно.

Шерстяки?

Ну разумеется! Кто же еще! Теперь-то все разъяснилось. Тот блеклый огонек светился вовсе не в небе, а высоко в горах, в Снежном Мраке, и это были всего-навсего шерстяки. Клянусь именами Майкла, я радовался, что не высказал своей догадки вслух. Мы же должны были высматривать шерстяков, а я принял их за пришельцев с проклятой Земли!

Я чувствовал себя полным идиотом, но в глубине души мне было грустно-прегрустно, потому что на несколько секунд я действительно поверил, что мы наконец-то вернемся на эту планету, полную света и людей; они знают ответы на все трудные-претрудные вопросы, которые даже не догадываемся, как решить, и видят то, что от нас скрыто, как от слепых...

Нет, конечно же, нет. Ничего не изменилось. Все, что у нас есть, — только Эдем и мы сами, пять сотен человек в целом свете, с копьями из черного стекла, лодками из бревен и шалашами из коры.

Досадно. Грустно-прегрустно. Но все равно дух захватывает при мысли о том, до чего же огромны горы. Оттуда, где обитает Семья, можно разглядеть их тень в свете звезд и понять, что они высокие-превысокие, хотя самих гор не видно — только нижние склоны, где еще растут деревья и светятся огоньки, — и непонятно, где кончаются горы и начинаются облака. Мне доводилось бывать лишь на нижних холмах, и я представлял себе, что Снежный Мрак за ними, наверно, раза в два-три выше той вершины, до которой добежали мы

с Джерри. Теперь же я понял, что он выше раз в десять-двенадцать.

И там, наверху, — так высоко, так далеко, в месте, таком непохожем на то, где мы были сейчас, что оно скорее напоминало сон, чем пространство из реального мира, — гуськом по склону тянулись шерстяки, и мягкие белые огоньки у них на лбу освещали снега, лежавшие вокруг. На мгновение снег вспыхивал белым, потом серел, а за спинами шерстяков снова погружался в черноту. И хотя шерстяки довольно крупные, раза в два-три больше человека, отсюда они казались крохотными, как муравьишки, и одинокими — затерянными там, наверху, в лужице света. Они скорее походили на мошек, которые живут у летучих мышей за ушами.

И в голове моей мелькнула мысль, что существуют другие миры, куда мы можем попасть. Они не прячутся в Звездовороте, за ними не надо лететь сквозь Небесную Дыру: они здесь, в Эдеме. Это места, где обитают и откуда приходят шерстяки.

— Так вот, в тот раз, о котором я вам рассказываю, их было голов двенадцать-тринадцать, — зудел Старый Роджер. — Спустились сюда, и мы успели прикончить четверых или пятерых, пока остальные не убежали обратно в горы, где мы уже не могли их поймать. Знаете старого Джеффо Лондона, бедолагу с одной ногой, который делает лодки? Так вот тогда у него еще было две ноги. Он вошел в раж, погнался за шерстяками и заблудился во Мраке. Мы его ждали, сколько могли, но скоро сами замерзли и чуть-чуть спустились, чтобы подождать его там. Никто уже не чаял, что он вернется. Мы были готовы двинуть с добычей в обратный путь, как вдруг явился Джеффо! Пришел, ковыляя, с этими белыми ожогами на ступнях и ногах. Потом они почернели — черный ожог, который почему-то называют тропической гангреной (хотя при чем тут тропики, если человек ногу отморозил?), — вот потому-то у Джеффо всего одна нога. Другую пришлось отрезать, отпилить стеклянным ножом. Клянусь членом Гарри! Слышали

бы вы, как он орал. Мы же, признаться, были рады, что возвращаемся с добычей. И когда мы вернулись, в Семье только о нас и говорили. Мы были счастливы. Каждая мечтала с нами переспать. Помню, я...

— Точно, Роджер, — перебил Дэвид. Он не любил, когда шутили на эту тему. — Все это, конечно, очень интересно, но та стая не спускается, разве не так?

Старый Роджер вперился в Снежный Мрак и притворился, будто что-то разглядывает. В его возрасте люди начинают слепнуть: ему было около восьмидесяти бремен. Он не хотел, чтобы мы догадались, что на самом деле он ничего не видит, — а то вдруг еще решим, что он больше не может быть главным охотником нашей группы (хотя, если честно, он и так уже не мог им быть). Так что Роджер в жизни бы не признался, что у него перед глазами все плывет.

— Кажется, нет, — пробормотал он, — хотя... кто их знает, этих шерстяков.

Что за бред, подумал я. Как можно было допустить, чтобы отряд возглавил этот старикан? С пищей в нашей группе, да и во всей Семье становится все хуже. Не совсем плохо, но иногда мы все же голодаем. И кого же отправили с нами за шерстяками? Этого старого слепого дурака!

— Они уходят, — отрезал Дэвид. — Так что лучше давайте спустимся и попытаемся поймать тех, которые спустились раньше.

— А с чего ты взял, что те внизу и эти наверху — не одна и та же стая? — спросил Мет. Крупный, высокий парень, он не блистал умом и рот открывал нечасто. — Может, они были внизу, а теперь возвращаются в горы?

— Посмотри на следы, — ответил Дэвид и сильно ткнул Мета кулаком в плечо. — Разуй глаза. Ты что, не видишь, что следы ведут вниз, а не вверх? Глянь, куда смотрят отпечатки когтей, Эйнштейн. А это значит, что шерстяки еще внизу, правильно? И наверняка проточат там до тех пор, пока Звездоворот не скроется из виду.

— Так, может, подождем здесь, пока они не поднимутся? — предложил Мет.

Дурацкое предложение. На нас были только повязки да накидки; босые ноги мерзли.

— Прекрасно, — бросил Дэвид и взглянул на Мета с этой своей ухмылочкой, которая и улыбочкой-то не была. В уродливой дыре на его лице свистел ветер, а настоящий рот тянулся до того места, где у нормальных людей нос, а у Дэвида вместо этого зияла какая-то красная язва. — Оставайся наверху, если тебе угодно, а мне что-то не хочется заработать тропическую гангрену.

Слова Дэвида так и сочились сарказмом. Но иначе, как насмешками и тумачами, проявлять дружелюбие он не умел.

— Все, кто хочет замерзнуть наверху вместе с Метом, оставайтесь тут, — продолжал Дэвид. — А мы уйдем из этой холодрыги к шерстякам.

Было холодно-прехолодно. Даже если прислониться спиной к стволу дерева, оно не согрело бы, потому что здесь, наверху, деревья были низкие и не давали тепла, как большие красные и белые древосветы внизу, в долине. Но мне все же казалось, что идея Мета не так уж и глупа. Найди мы способ остаться здесь подольше, поймали бы куда больше шерстяков, потому что между безднами они всегда спускаются из Мрака и бродят вверх-вниз по этим тропам. Так почему бы не придумать, как нам согреться тут, наверху? Почему бы не захватить с собой побольше накидок или не сшить такие накидки, чтобы в них можно было завернуться целиком? Почему бы не сделать обмотки для ног? С чего мы вообще решили, что во Мраке такой лютый мороз, что нечего и пытаться найти дорогу?

Но пока что дело обстояло так. Мы спустились по тропинке вдоль ручья, и вскоре нас опять окружили высокие деревья. Куда ни глянь, повсюду светили огни — красные, белые, голубые, — а щель между холмами разрослась в Долину Холодной тропы. Она была неве-